

Н.Л. Лейдерман

СОВЕСТНОЙ СУД

(О ПОЭМЕ С. ЕСЕНИНА «ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК»)

Если рассматривать всю поэзию Есенина, с первых стихов и до «Черного человека», как некий лирический «метароман», то фабулой этого «метаромана» стала духовная биография личности в эпоху революционной ломки России. А сюжетом – трагедия души, которая прошла по всем ухабам и рытвинам времени: заражалась иллюзиями и преисполнялась надеждами, мучилась жестокими сомнениями и страдала от горьких разочарований. Калейдоскоп есенинских лирических субъектов: иноки, странники, разбойнички, «добры молодцы», пророки, воры, бродяги, хулиганы и, наконец, лирический герой, прототипом которого заявлен сам автор, – передают амплитуду метаний человека в мире, где все рушится, где гармония между человеком и мирозданием, о которой так мечтает изначально Есенин, не реализуется, где вместо «узловой завязи» внедряют совсем противоположные принципы мироустройства, вроде диктатуры пролетариата, борьбы классов, мировой революции, «покорения природы» и т.п.

Последним завершающим аккордом трагического самопостижения и беспощадной самооценки лирическим субъектом Есенина своей судьбы явилась поэма «Черный человек». О ее замысле поэт говорил уже в 1922 году. Но окончательный вариант был написан с 12 по 14 ноября 1925 года, примерно за месяц до самоубийства. Эта поэма вызывает пристальный интерес исследователей, – особенно обострившийся в 1980–90-е годы¹. Она органически вписывает-

Наум Лазаревич Лейдерман — доктор филологических наук, профессор кафедры современной русской литературы Уральского государственного педагогического университета.

¹ Мекки Э.Б. Мифопоэтическая основа поэмы С.Есенина «Черный человек» // Вечные темы и образы в советской литературе: Межвуз. сб. науч. трудов. – Грозный, 1989; Никё М. Поэма С. Есенина «Черный человек» в свете аггелизма // Русская литература. 1990. № 2; Воронова О. Философский смысл поэмы Есенина «Черный человек» (Опыт «экзистенциального» анализа) // Вопросы литературы. 1997. № 6.; Шубникова-Гусева Н.И. Поэмы Есенина. (Гл. 7. «Поэма-загадка «Черный человек»». – М., 2000. С. 480–590. Не лишен оснований упрек, который О.Лекманов и М.Свердлов, авторы новейшей биографии Есенина, адресовали «есениноведам последнего призыва», – в том, что они, «стремясь во что бы то ни стало «усложнить» и обелить образ своего кумира, едва не растворили смысл «Черного человека» в мифологических, фольклорных, оккультных и прочих аллюзиях». Но сами авторы биографии впадают в иную крайность, безоговорочно доверяясь впечатлениям первых читателей и слушателей поэмы, которые «увидели в ней

ся в главную, доминирующую линию творчества поэта, суть которой – максимально глубокое проникновение в глубины души личности, переживающей свои отношения с миром, с эпохой, с самим собою.

Поэма «Черный человек» строится вроде бы на традиционном приеме: разговор лирического героя со своим двойником, с персонифицированной ипостасью своего второго «я». Но Есенин выстраивает этот сюжет как сюжет само-суда, где лирический герой – и обвинитель, и обвиняемый. Это едва ли не самый жестокий вариант раздвоения человеческой личности.

Начинается «Черный человек» с увертюры. Обычно поэмы, особенно романтические, начинались с посвящения или обращения к читателю, дающих мотивировки будущего сюжета. Здесь тоже есть обращение к другу, но оно оказывается жалобой героя на свое жуткое душевное состояние. Следовательно, сюжет и будет сосредоточен на анализе психического состояния, на распутывании клубка душевной муки:

Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен,
Сам не знаю, откуда взялась эта боль.
То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным полем,
То ль, как рощу сентябрь,
Осыпает мозги алкоголь.

Пластическую зримость внутреннему смутному состоянию героя придает психологический параллелизм между мрачной картиной осенней природы и буквально невменяемым состоянием человека, находящегося на грани утраты рассудка. Тому подтверждение – его жуткий автопортрет:

Голова моя машет ушами,
Как крыльями птица.
Ей на шее ноги
Маячить больше невмочь.

Такое сюрреалистическое видение может быть рождено бредом, белой горячкой. Гротескная деформация телесного облика – это зримая аналогия распада личности.

Одновременно состояние, в котором мерещатся фантомы, становится психологической мотивировкой явления перед внутренним взором

героя Черного человека. Семантическая аура этого персонажа, входящего в галерею вечных образов мирового искусства, очень обширна: двойник, Дьявол, Черт, посланец загробного мира... У Есенина этот образ изначально окрашен в inferнальные тона. Ритмические повторы, которыми отмечено его появление, звучат, как шаги Командора, как неотвратимая поступь рока, нависшего над героем:

Черный человек,
Черный, черный,
Черный человек
На кровать ко мне садится,
Черный человек
Спать не дает мне всю ночь.

Вместе с тем назойливо однообразные ритмические повторы фиксируют собой сознания, кружение мысли, смертное томления души. Возникает ощущение, что герой стоит на зыбкой границе между жизнью и смертью. Соответственно, и Черный человек входит в необычную для этого вечного образа роль – он имитирует псаломщика, отпевающего мертвеца:

Черный человек
Водит пальцем по мерзкой книге
И гнусавя надо мной,
Как над усопшим монах...

Согласно традиции, над гробом с усопшим должны читаться молитвы. Назначение этого ритуала – своего рода мистическая «адвокатура»: умолить Бога, чтобы он принял душу усопшего, простил ему грехи. А в поэме сочувственное отпевание превращается в нечто противоположное – в обвинительное слово: вместо псалтыри в руках у Черного человека какая-то «мерзкая книга», где грубыми, безжалостными словами записана история преступной жизни «какого-то прохвоста и забуддыги».

Псаломщик обернулся судебным обвинителем². А вся первая часть поэмы – некой стенограммой судебного заседания. Обвинительное слово Черного человека звучит язвительно, он дает герою саркастические характеристики:

Слушай, слушай, –
Бормочет он мне, –
В книге много прекраснейших
Мыслей и планов.
Этот человек
Проживал в стране
Самых отвратительных
Громил и шарлатанов.

Знаки ада даны в двух-трех деталях: раз снег здесь «до дьявола чист», и «метели заводят веселые прялки» (вспоминаются пушкинские «Бесы», где обыгрывалась ассоциация между метельными вихрями и нечистью), значит, в этой стране нет ни Бога, ни ничего святого. И только в такой стране мог родиться «авантюрист, но самой высокой и самой лучшей марки». Он – органическое порождение этого вывернутого наизнанку мира. Наделенный «ухватистой силой», он тем не менее определяется как «шарлатан, циник и лицемер». «Счастье, – говорил он, – есть ловкость ума и рук», – это высказывание авантюриста. «Все неловкие души / За несчастных всегда известны. / Это ничего, / Что много мук / Приносят изломанные / И лживые жесты», – так может рассуждать только циник. «В грозы, в бури, / В житейскую стынь, / При тяжелых утратах / И когда тебе грустно, / Казаться улыбочивым и простым – / Самое высшее в мире искусство», – это лицемерие. Таковы обличающие факты, предьявленные стороной обвинения.

Далее автор фиксирует реакцию героя: слова Черного человека звучали, «нагоняя на душу тоску и страх». Лирический герой отмечает все обвинения разом, но взвинченный тон, сбивчивость речи выдают его растерянность и испуг:

Черный человек!
Ты не смеешь этого!
Ты ведь не на службе
Живешь водолазовой.
Что мне до жизни
Скандального поэта.
Пожалуйста, другим
Читай и рассказывай.

Черный человек не спорит – его полный презрения отвратительный взгляд говорит без слов:

Черный человек
Глядит на меня в упор.
И глаза покрываются
Голубой блевотой, –
Словно хочет сказать мне,
Что я жулик и вор,
Так бесстыдно и нагло
Обокравший кого-то.

Так заканчивается первый «акт», первая очная ставка со своей совестью.

Второй сюжетный круг, второй «акт» судебного заседания, начинается с того же обращения: «Друг мой, друг мой, я очень и очень болен...» Эта увертюра, как возвращение к исходной ситуации, нужна, чтобы восстановить атмосферу предельной доверительности, чтобы начать снова глубокое «бурение» души человека.

Но на этот раз очной ставке с Черным человеком предшествует пейзаж, открывающийся перед глазами лирического героя: «Ночь морозная. / Тих покой перекрестка...» В самих под-

² Заслуживает внимания суждение В.М. Левина, одного из современников Есенина: «Черный человек – это судебный следователь по делам всего нашего поколения, так сказать, наш общий «черный человек». Его слова касаются всех наших деяний» (Цит. по: Гусева-Шубникова Н.И. Поэмы Есенина. С. 558).

робностях ночного пейзажа разлит мистический настрой: «равнина покрыта ... известкой», «ночная зловещая птица», «деревянные всадники», которые «сеют копытливый стук». Создается ощущение inferнальности, какого-то потустороннего «зазеркалья». На этом фоне опять появляется Черный человек. Теперь, вглядываясь в обвиняемого, он замечает в нем что-то необычное: «Я не видел, чтоб кто-нибудь / Из подлецов / Так ненужно и глупо / Страдал бессонницей».

Это наблюдение Черного человека – очень важный знак читателю: если герой страдает бессонницей, значит, совесть у него не исчезла до конца, может, она разбужена начавшимся внутренним судом, может, она выходит из спячки? При этом сарказм Черного человека продолжает усиливаться. Он крайне язвительно говорит о главном деле жизни лирического героя – о его поэзии:

Ах, положим, ошибся!
Ведь нынче луна.
Что же нужно еще
Напоенному дремой миру?
Может, с толстыми ляжками
Тайно придет «она»,
И ты будешь читать
Свою дохлую, томную лирику?

Здесь слышится реакция на слова Клюева, который сказал Есенину, что его стихи годятся для томных девиц и изнеженных юношей. Но нет ли тактической ошибки в речи обвинителя? Не возмутил ли он душу героя, пренебрежительным отношением к тому, что для героя – самое дорогое? Не заронил ли желание протестного действия?

Далее Черный человек, как изощренный сутяга, меняет направление своей обвинительной речи – он разворачивает прошлое героя, поднимает историю его с самого детства. И появляется щемящий портрет мальчика из простой крестьянской семьи:

Не знаю, не помню,
В одном селе,
Может, в Калуге,
А, может, в Рязани,
Жил мальчик
В простой крестьянской семье,
Желтоволосый,
С голубыми глазами.

Портрет ребенка вызывает двойной эстетический эффект. У Черного человека это исходный пункт обвинения: подчеркивается контраст между чистым мальчиком и будущим авантюристом, шарлатаном, циником. Зато у самого героя напоминание о душевной чистоте, которая была в нем заложена с детства, вызывает прилив совестного чувства, рефлексивное сопротивление тому грязному, что в нем накопилось годами. И теперь, в отличие от первой очной ставки, ге-

рой уже не перепуган, не отрешивается от обвинений. Но склониться перед Черным человеком, согласиться признавать и принимать себя таким, он не хочет.

«Черный человек!
Ты прескверный гость.
Эта слава давно
По тебе разносится».
Я взбешен, разъярен,
И летит моя трость
Прямо к морде его,
В переносицу...

Чем обусловлено такое поведение героя, что означают его крик и удар? Известный исследователь поэзии 20-х годов А.С. Субботин предложил следующий ответ. Вопреки тем, кто утверждал, что вся поэма «Черный человек» – это история распада души, Субботин писал: «Сюжет поэмы – медленное, мучительное освобождение от страшного кошмара, постепенное, шаг за шагом, усилие за усилием одоление зловещего врага». Однако общий вывод, который делает критик, представляется слишком оптимистическим: «Сквозь суровую черно-белую гамму, сопровождающую метафизический поединок, пробились натуральные цвета. (...) Возвратились краски действительного мира, очертания «вечно зеленого дерева жизни». Поэма запечатлела не распад личности, как утверждали некоторые комментаторы, а освобождение ее от нравственной половинчатости, уступок слабостям, душевных компромиссов, обременяющих поэтическую совесть»³.

Несомненно, стыд прожог душу героя, ему захотелось освободиться от Черного человека. Но возможно ли это? Финал поэмы таков:

... Месяц умер,
Синеет в окошко рассвет.
Ах ты, ночь!
Что ты, ночь, наковеркала?
Я в цилиндре стою.
Никого со мной нет.
Я – один...
И разбитое зеркало...

Если в первой части Черный человек выступал как обвинитель, а во второй – оказывался персонификацией всех пороков лирического героя, оставаясь тем не менее «другим», то в финале лирический герой не только узнает в Черном человеке – самого себя, но и обнаруживает свою неотличимость от оппонента! В зеркале образы Черного человека и Я сливаются воедино, граница между двойником и Я стертая. Таким образом, лирический герой *принимает ответственность* за все, о чем говорит Черный человек и за все, что он персонифицирует. Именно такое призна-

³ Субботин А.С. О пафосе и поэтике «Черного человека» // Субботин А.С. О поэзии и поэтике. – Свердловск, 1979. С. 190.

ние приобретает высшую нравственную значимость – это совестный суд человека над самим собой, без скидок и без снисхождения к себе.

* * *

«Черный человек» – поэма прозрения и мужества», – пишет современный исследователь⁴. Вернее было бы сказать – это поэма трагической вины, не подлежащей ни прощению, ни искуплению. «Есенинское Я – совершенно особое, большое, глубокое, озаренное до последней капли, обнаженное с небывалой жестокостью к самому себе», – написал сразу же после смерти поэта один из давних его друзей Петр Орешин. Художественное совершенство поэмы «Черный человек» было очевидно современникам. Они увидели в ней трагический итог пути поэта. Николай Асеев, который слушал чтение Есениным поэмы

за две недели до его смерти, вспоминал: «В этот вечер он читал «Черного человека», вещь, которую он очень ценил и над которой, по его словам, работал больше двух лет. И из-за нее передо мной вставал другой облик Есенина: не тот общеизвестный, с одинаковой для всех ласковой улыбкой, не то лицо «лихача-кудревича» с русыми кудрями, а живое, правдивое, творческое лицо поэта, лицо, умытое холодом отчаяния, внезапно посвежевшее от боли и страха перед вставшим своим отражением»⁵. А Горький буквально сразу после того, как прочитал поэму Есенина, написал одному из своих корреспондентов: «Если бы вы знали, друг мой, какие чудесные, искренние и трогательные стихи написал он перед смертью, как великолепно его поэма «Черный человек», которая только что вышла из печати. Мы потеряли великого русского поэта»⁶.
